

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ

ГОДЫ
ПРИВЕРЕДЛИВЫЕ
ЗАПИСКИ ГЕРОНТОЛОГА

Издательство АСТ
Москва

УДК 612
ББК 28.703
А67

Анисимов, Владимир Николаевич

А67 Годы привередливые. Записки геронтолога / В. Н. Анисимов. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 448 с. — (Научно-популярная медицина).

ISBN 978-5-17-118095-9

Перед вами книга, охватывающая полвека научной жизни. Интереснейшие культурологические воспоминания воскрешают малоизвестные страницы истории нашей страны. Владимир Николаевич Анисимов рассказывает о своём профессиональном и личностном становлении: как он стремился стать врачом, учился в медицинском училище, затем в I Ленинградском медицинском институте, как защищал кандидатскую и докторскую диссертации, но при этом ездил на целину и в стройотряды.

Эта книга — пример добротной мемуаристики. Она будет интересна широкому кругу читателей, ищущих правдивое повествование о советском времени. Но особенно полезна книга будущим врачам и учёным: многие ситуации, описанные автором, имеют педагогическое значение.

Происходящая на наших глазах технологическая революция в молекулярной биологии и расшифровка генома организмов, существенно различающихся по продолжительности жизни, открывают новые возможности как для изучения генетических основ долголетия, так и для разработки средств, предупреждающих преждевременное старение и улучшающих качество жизни пожилых людей. Член-корреспондент РАН, доктор мед. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, президент Геронтологического общества В.Н. Анисимов развивает идею о том, что долголетие зависит не только от генов, которыми наградила нас судьба, но и от собственного выбора образа жизни.

УДК 612
ББК 28.703

ISBN 978-5-17-118095-9

© Анисимов В.Н.
© ООО «Издательство АСТ»

От автора

Как остроумно и точно заметил академик Ю. Г. Леонов¹, желание заняться написанием мемуаров является одним из симптомов наступившей или приближающейся старости, родом психического недуга, которому трудно сопротивляться. Что ж, «у природы нет плохой погоды», в каждом возрасте есть свои прелести и ограничения. Издавая с 1996 года информационный бюллетень «Вестник Геронтологического общества РАН», для заполнения остающихся свободными мест на полосах этой газеты я стал помещать на них афоризмы и высказывания известных и не очень известных людей о возрасте, старении, старости и долголетьи, назвав эту рубрику «Размышлизмы». За многие годы накопилось довольно большое число таких «размышлизмов», которые составили целую книгу, вышедшую в 2016 году и дополненную во 2-м издании в 2019 году^{2,3}. Неожиданным образом процесс собирания «размышлизмов» подтолкнул меня к написанию «мемуаразмов» (термин, использованный в уже упомянутой книге Ю. Г. Леонова, но рожденный независимо от него много лет тому назад). 50 лет занятий наукой, пришедшиеся на драматические годы расцвета, застоя и распада СССР и непростой период перестроечных и постперестроечных лет, оказались насыщенными таким множеством событий, рождением новых научных идей и ниспровержением казавшихся незыблемыми концепций и теорий, да и изменения статуса и престижа самой науки в обществе, что захотелось оглянуться и осмыслить происходившее с нами всеми и со мной. Был ли это бег в третбане (беличем колесе) или спланированное и последовательное движение к заветной цели, цепь случайностей или реализация некой миссии, возложенной на тебя Провидением?

Как заметил Шопенгауэр в своих «Афоризмах житейской мудрости», «чтобы жить вполне разумно и извлекать из собственного опыта содержащиеся в нем уроки, следует почаще вспоминать прошлое и пересматривать все, что было прожито, сделано, познано и прочувствовано при этом, сравнивать свои прежние суждения с настоящими, сопоставлять свои задания и усилия с результатами». Каковы же итоги? Признаться, подобно Андрею Вознесенскому: «Что достигнуто? Я в дураках. Жизнь такая короткая!», или утешить себя словами Николая Заболоцкого:

О, я недаром в этом мире жил!
И сладко мне стремиться из потёмок,
Чтоб, взяв меня в ладонь, ты, дальний мой потомок,
Доделал то, что я не довершил.

Первое издание книги вышло в 2014 году. Тираж был небольшой и быстро разошелся. После выхода книги в научных журналах были опубликованы три весьма положительные рецензии⁴⁻⁶. От коллег и читателей я получил много греющих душу откликов, среди которых были и критические. Несколько читателей отметили перегруженность книги «медициной». Кто-то из коллег посоветовал на то, что не нашел своего имени среди фигурантов того или иного события, упомянутого в книге. Признаю, что-то забылось, что-то пропущено. Увы, память человека не безгранична и избирательна. Мемуары всегда субъективны и уже в силу этого уязвимы для критики. Тем не менее книга была востребована. Приведу выдержку из письма читателя: «...именно из субъективных воспоминаний разных людей можно сложить портрет времени и составить правдивую историю. Ваша книга интересна и будет нужна тем, кто решится когда-нибудь честно разобраться в том, что происходило и происходит с людьми в России. Книга очень личная и откровенная, написанная по велению души, а не по заказу».

Вам, читатель, судить о книге и авторе. Я же приношу свою искреннюю благодарность за критические замечания и дружеские советы, высказанные при подготовке этой книжки к печати, моей жене Елене Михайловне, брату Дмитрию Николаевичу, сыну Сергею, дочери Марии, моим друзьям и коллегам Н. А. Бахареву, М. А. Забежинскому, О. В. Комаровой, В.В. Концевому, Т. К. Кудрявцевой, В. Б. Окулову, А. Н. Павленко, И. Г. Попович, А. В. Сидоренко, Е. В. Цырлиной и всем, приславшим критические замечания и дружеские советы, которые я старался учесть при подготовке к печати ее второго издания.

Завершу свое краткое предисловие строчками, вошедшими в книгу «Весенним месяцем нисаном...»⁸:

«И настанет царство Истины?»

Пилат

Когда придёт последний мой экзамен
И пригласят на самый Страшный суд,
То спросят строго: «Ты грешил стихами?»

И эту книгу в зал торжественно внесут.
И снова спросит грозный Судия:
«Ты в книге лгал, утаивал, лукавил?»
И правду вымыслом своим разбавил?»
«Всё правда в ней», — отвечу тихо я.
«Последний мой вопрос, поэт,
Ответствуй без лукавства —
Заступит Истина на царство?»
«Нет в том сомненья!» — мой ответ.
«Когда любовь весь мир согреет,
Она всю злобу одолеет.
И истины прольётся свет».
...Но слышу вопль Пилата: «Нет!»

¹ *Леонов Ю. Г. Камень — ножницы — бумага : сборник эссе. М. : Наука, 2012.*

² *Анисимов В. Н., Горанская С. В. Не дождётся! М. : РФ-Пресс, 2016. 336 с.*

³ *Анисимов В. Н., Горанская С. В. Не дождётся! 2-е изд., перераб. и доп. М. : РФ-Пресс, 2019. 384 с.*

⁴ *Анисимов В. Н. Годы привередливые. СПб. : Эскулап, 2014. 400 с.*

⁵ *Долгова В. И. Направленность личности как вектор психического здоровья российского ученого Владимира Николаевича Анисимова // Ученые записки ун-та им. П. Ф. Лесгафта. 2015. № 4 (122). С. 244–250.*

⁶ *Ильницкий А. Н. Рецензия на книгу члена-корреспондента РАН, доктора медицинских наук, профессора В. Н. Анисимова «Годы привередливые (СПб. : Эскулап, 2014. 400 с.) // Геронтология. 2014. № 4. URL: gerontology.esrae.ru/gu/8-98*

⁷ *Келасьев В., Григорьева И. Творческая личность, большой учёный, интересный человек. Анисимов В. Н. (2014) Годы привередливые. СПб. : Эскулап. 400 с. ISBN 978-5-89223-032-2 // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16. № 1. С. 188–191.*

⁸ *Анисимов В. Н. Весенним месяцем нисаном... 2-е изд. СПб. : Система, 2008. 164 с.*

Глава 1. Выбор пути

*Кружит планета, дни считая,
Недолг день и краток год.
И детство, в юность убегая,
Сквозь зрелость к старости ведёт.*

Первые шаги

«Станешь доктором — изобретёшь таблетки от старения», — говорила мне мама, когда я был совсем маленьким. Она поступила в I ЛМИ им. акад. И. П. Павлова в 1940 году. Но через год началась война, и одного курса медицинского, хотя и высшего, образования было недостаточно, чтобы стать медсестрой, но хватало, чтобы собирать умерших прямо на улицах или в промерзших домах и отвозить их в морг. Когда у мамы началась дистрофия, одноклассница и подруга ее старшей сестры позвала их в воинскую часть, стоявшую в её родной деревне Мурино, которая тогда была далеким при-

городом, а сейчас там даже станция метро «Девяткино». Так мама стала солдатом, а солдатский паек был больше, чем рабочий. В этой части, которая снаряжала снаряды взрывателями и взрывчаткой для Ленинградского фронта, она прослужила до конца войны. Отец мой, Николай Александрович, в 1936 году по комсомольскому «ворошиловскому» призыву приехал из Березников в Ленинград поступать в артиллерийско-техническое училище. В Березниках мой дед Александр Павлович Анисимов строил электростанцию. Дед окончил реальное училище, участвовал в обороне Порт-Артура, где удостоился Георгиевского креста за храбрость. Моя бабушка Татьяна Александровна была дочерью кадрового военного, окончив

гимназию, учительствовала в начальных классах. Так что выбор военной карьеры отцом был не случайным. Окончив в 1939 году Ленинградское артиллерийско-техническое училище, отец стал специалистом по боеприпасам, взрывчатке и взрывателям, был участником зимней войны с Финляндией, на которой потерял ухо: в ту суровую зиму обморожения косили бойцов не хуже вражеских пуль... 22 июня 1941 года отец встретил в Таллине, эвакуировался на санитарном транспорте «Балхаш» и был сброшен в воду с палубы разрывом бомбы: немецкие пикировщики не обращали внимания на выложенные на палубе полотнища с красными крестами. Отца подобрал «морской охотник» и пересадил на штабной корабль «Вирония», но тот на пути в Кронштадт затонул, подорвавшись на mine. До прихода тральщиков, спасших их спустя 7 часов, каким-то чудом продержались в воде менее сотни уцелевших из свыше двух тысяч раненых, больных и эвакуировавшихся военных, размещавшихся на борту. Всю блокаду отец провёл в осажденном Ленинграде. Сначала он занимался разминированием неразорвавшихся вражеских бомб и снарядов, а затем служил в воинской части, носившей (видимо, в целях сохранения военной тайны) мирное название — ПСМ-21 (Передвижные снаряжательные мастерские). В этой-то части, снабжавшей боеприпасами защитников города, и состоялась встреча несостоявшегося врача Машеньки с капитаном технической службы Николаем Анисимовым, за которого она вышла замуж. В декабре 1945 года родился я. Потом отца направили в г. Магдебург в Германии, где в 1948 году родилась моя сестра Татьяна. Затем отца перевели в Калининград и лишь в 1952 году мы вернулись в Ленинград. С двумя маленькими детьми учиться в медицинском институте было невозможно. Мама поступила в юридический техникум, где за два года университетские профессора прочитали ей и другим фронтовикам университетский курс. Так мама стала юристом и всю жизнь проработала в крупном промышленном объединении. Она часто говорила, что очень хотела стать врачом, и, видимо, эту нереализованную лично мечту воплотила во мне.

В школу я пошел в Калининграде в 1952 году. Помнится, что школа и дом, в котором жили семьи офицеров, были единственно уцелевшими зданиями на улице — все остальные лежали в руинах. В школу меня брать не хотели, так как к тому времени мне ещё не исполнилось семи лет. Но все мои друзья пошли в 1-й класс, и я так плакал, что меня пожалели и взяли: пусть, мол, походит пока. Через полгода мы вернулись в Ленинград и меня приняли в 334-ю мужскую школу, что на улице Ткачей за Невской Заставой. Жили мы на этой

же улице в большом доме № 4, который все называли «железнодорожным», потому что в нем жили в основном семьи рабочих и служащих Пролетарского паровозоремонтного завода. На заводе до войны работали кузнецами мой дед по материнской линии Владимир Данилович и два его родных брата. Кузнецы имели броню от призыва, но три брата ушли добровольцами на фронт и погибли или пропали без вести. Дед Володи воевал в народном ополчении на Пулковских высотах. Пришедший в дом с фронта какой-то сослуживец деда сказал маме, что при нем деда ранило осколком, его повезли на телеге в тыл, и в неё попал снаряд. Это было в 1942 году. Бабушка (его жена) умерла еще до войны от рака. На Пролетарском заводе работала штамповщицей мамина тётя Нина. Ее муж также погиб в блокаду. Она жила с нами в одной квартире со своей дочкой Бертой. Ещё в квартире жила соседка тётя Маруся Ефимова с сыном Валеём. Нужно ли говорить, что муж тётя Маруси тоже погиб на фронте? Валя был старше меня и научил играть в шахматы. Потом он окончил институт, стал радиоинженером и работал на оборонном заводе.

Почти все жильцы нашего дома жили в коммуналках. Во дворе были фонтан, карусели и «гигантские шаги». У мальчишек были свои правила: часто дрались, но упавшего никогда не били. Бывало, дрались

улица на улицу, двор на двор. Помню дворничиху тётю Марусю и ее мужа дядю Мишу, который был управдомом, но носил на голове железнодорожную фуражку с молоточками. Тётя Маруся по вечерам ходила со свистком, загоняла всех детей по домам. В Новый год в фонтане ставили большую ёлку, которую украшали разноцветными электрическими фонариками, устраивали праздник и Дед Мороз (дядя Миша) раздавал всем детям подарки. Помню, что регулярно во дворе были субботники, когда все жители выходили с лопатами и граблями, приводили в порядок двор, сажали цветы на клумбах и деревья. Я сам посадил напротив нашего подъезда саженец клёна. Рядом с домом был большой пустырь, на котором мы играли в футбол. Были сараи, в которых кто-то держал кур. Помню, как однажды мы играли в футбол, а взрослый мужчина у сараев рубил головы курам, и убиенный петух без головы бежал по полю.

Когда мне было лет десять, мама купила мне «бобриковое» пальто. В те времена народ в нашем доме жил весьма скудно, все стеснялись ходить в хорошей одежде, чтобы не выделяться на общем фоне. Я специально упал с карусели в лужу, будто бы сорвался — пальто сразу стало не новым. Даже в институт я поступал в отцовс-

С родителями, 1947 г.

ком пиджаке и ботинках и, кажется, даже в отцовских брюках, поскольку вырос за лето из своих: сохранилась такая фотография.

В 1955 году отца направили служить в Дальневосточный военный округ. Мы сели в поезд и девять суток ехали через всю страну в Хабаровск. Это было грандиозное путешествие, мы видели границу между Европой и Азией, затем бескрайнюю Сибирь. Запомнилась остановка на какой-то станции у Байкала, где все пассажиры с бидонами или бутылками бросились набирать кристально чистую воду. Папа купил у рыбаков копченого омуля. Сначала отец служил в части, которая располагалась в нескольких километрах от Хабаровска, в поселке Красная Речка. Там река Уссури впадала в Амур, и во время наводнения, которое летом обычно заливало улицы поселка, местные жители прямо с лодки острогой били усатых сомов.

На Красной Речке семьи офицеров жили в двухэтажных деревянных бараках. Я учился в 4-м классе. Помню, как учительница Ольга Гавриловна читала нам газету «Правда», где был напечатан доклад Н.С. Хрущёва на XX съезде партии. Понять нам, по малолетству, происходящее в стране было не дано, но запомнилось взволнованное лицо учительницы и её срывающийся голос. Через год отца перевели в Хабаровск, и он служил в штабе округа. Он часто ездил в командировки, говорил, что с инспекцией военных баз и частей. Много позже он рассказал, что часто его посылали разминировать японские боеприпасы, оставшиеся с войны во многих местах — от Курил до Камчатки. Людей с фронтовым опытом, да еще специалистов по взрывателям и боеприпасам, было немного.

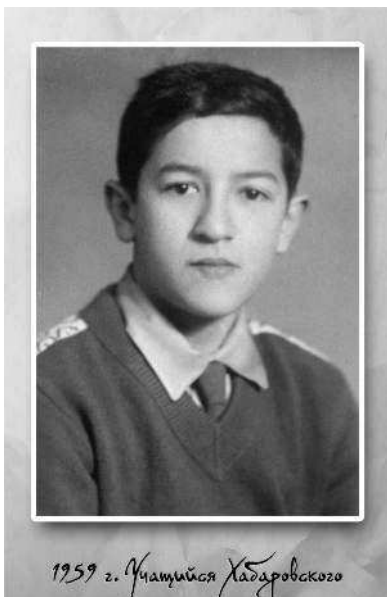
В Хабаровске мы сначала жили в коммунальной квартире на улице Серышева, а затем переехали в квартиру в доме по улице Калинина, примыкавшему к дому, называвшемуся «генералкой», наверное, потому что в нем жили семьи генералов и офицеров, служивших в штабе Дальневосточного военного округа. От дома было недалеко до парка на берегу Амура. Любимым занятием было гонять во дворе в футбол. Запомнилось, что команда «нашего двора» даже участвовала в районных и городских соревнованиях по футболу среди мальчишек, и в какой-то год мы заняли 2-е или 3-е место в городе. А один парень из нашей команды стал потом известным в городе футболистом и хоккеистом, играл за команду мастеров СКА по хоккею с мячом.

В школе я учился хорошо. Заданное на дом занимало у меня немного времени, так как легко запоминал всё, что говорилось на уроках. С пацанами мы ходили на берег Амура ловить бычков. На берегу Амура военные строители к 100-летию города, основанного в 1858 году, построили замечательный стадион. Улица Серышева ве-

ла прямо к одному из входов на стадион, и с неё вниз к реке спускалась длинная лестница. Во время праздничных салютов солдаты, которые пускали салют из ракет, располагались на самой верхней площадке этой лестницы. Ракеты доставали из коробок или мешков, и мы кланчили у солдат невыпущенные ракеты. Особенно ценились ракеты с парашютами, которые долго светили. Как-то с соседским мальчишкой мы спустили кота с балкона, привязав его к парашюту.

В медицинском училище

В 1959 году, когда я учился в 7-м классе, объявили, что в школах вводят 11-летнее обучение. Мне почему-то пришла в голову мысль поступить в фельдшерское училище, чтобы за те же четыре года уже иметь специальность. Несмотря на то, что мне не было ещё 14 лет, я сам принял решение и поехал сдавать документы в Хабаровское медицинское училище, которое находилось не слишком далеко от нас на Казачьей горе. Принимавшая документы женщина спросила меня, зачем я иду в училище: «Ты же из хорошей семьи, пойдешь после школы в институт. А здесь готовят фельдшеров, которые будут работать в таёжных здравпунктах». Математичка из моей школы приходила к родителям, чтобы уговорить их не отдавать меня в медучилище, чтобы «не загубить» во мне будущего математика (я у неё бы на хорошем счету и даже раз участвовал в краевой олимпиаде). В 1960 году беззаветный борец за мир Никита Сергеевич Хрущёв «сократил» на миллион с лишним численность армии, отца демобилизовали, и мы вернулись в Ленинград. Здесь не было фельдшерских училищ, а в медицинских училищах готовили только медсестёр и фельдшеров-лаборантов. Где-то брали только девочек, где-то не хотели засчитывать один год, который я уже отучился в Хабаровске. Приняли во 2-е Ленинградское медицинское училище, находившееся при больнице им. Карла Маркса у моста Свободы (ныне Сампсониевский), по диагонали через Неву от Нахимовского училища и революционного крейсера «Аврора». Сейчас на этом месте большой жилой дом с башенкой и шпилем наверху. В училище были хорошие преподаватели, многие из них преподавали в I Ленинградском медицинском институте им. акад. И.П. Павлова, базой которого была больница, или в расположенной рядом Военно-медицинской академии. У училища была своя история: до революции в нем располагалась Георгиевская община, бывшая старейшим в России учебным заведением, готовившим сестёр милосердия. В феврале 2011 года меня пригласили на празднование

140-летия 2-го ЛМУ и даже вручили почетный диплом.

Когда наша семья вернулась в Ленинград, в ней было уже трое детей: брат Дмитрий родился в 1957 году в Хабаровске. Я пришел в свой двор, ребята меня сразу узнали и приняли. Они пригласили меня на вечер в 334-ю школу, в которой я учился до отъезда в Хабаровск. Я надел свою единственную нарядную вещь — ярко-зеленый китайский свитер. С друзьями мы вошли в актовЫй зал — начинались танцы. Но меня сразу прихватили дружинники, привели к завучу: «Стилягу поймали!» На мои объяснения, что в Хабаровске все так ходят, было веско сказано — тут не Хабаровск, а Ленинград, надо оде-

ваться подобающим образом. Я был очень удивлен, так как в Хабаровске каждый второй носил китайские свитера. Других просто не было.

В училище я быстро подружился с ребятами, которых было всего семеро на 120 учащихся на курсе девочек. Ближайшими друзьями были Валерий Яценко, Андрей Егормин, Евгений Струнов, Вячеслав Киселев (эти двое учились в другой группе). У Андрея отец был полковником медицинской службы. Они жили на Таврической улице в коммуналке, в комнате больше 40 квадратных метров с высоким потолком. Мы любили там бывать. В квартире было много книг, сохранилась старинная мебель и атмосфера интеллигентного дома.

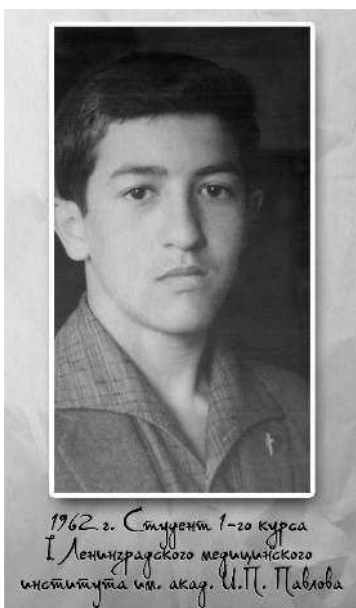
В училище я учился с удовольствием, мечтал стать хирургом. С Валерой Яценко, который тоже мечтал стать хирургом и стал им, мы дежурили по ночам в хирургическом отделении больницы, осваивая профессию. Помню, что преподавательница хирургии говорила нам, что, если мы хотим быть хирургами, нужно учиться вязать швы левой и правой рукой и вообще развивать левую руку. Она посоветовала для этого научиться играть в пинг-понг левой рукой, что я до сих пор умею. Из училищных лет мало что запомнилось. Помнится день, когда полетел в космос Юрий Гагарин, — мы в белых халатах вышли ликовать на улицу. Помнится, как проходили акушерскую практику в роддоме им. Снегирева (Снегирёвке) и как

впервые принимал роды — было мне тогда 15 лет... Запомнилось, что Андрей Егормин называл меня «Будак», что означало «будущий академик», но мне было немного обидно. Учили нас очень хорошо, халтурить в учебе было невозможно. Нас научили правильно складывать халаты, делать инъекции, ставить клизмы, делать перевязки и в итоге хорошо натренировали нас в уходе за больными. На 3-м курсе училища я понял, что знаний для поступления в институт маловато, надо подтягивать физику и химию. Поэтому я поступил еще в вечернюю школу — школу рабочей молодежи, как её тогда называли. После занятий в училище я ехал на трамвае через весь город домой на улицу Ткачей, а затем бежал в ШРМ № 4, которая была на проспекте Дудко рядом с проходной Пролетарского завода.

После 2-го курса медицинского училища я поехал на каникулы в Курск со своим двоюродным братом Сашей Бажутиным, который тогда учился в Ленинграде в «Корабелке» — знаменитом Кораблестроительном институте. В Курске жили его родители. Мы пошли в городской парк гулять и были при модных тогда галстуках-шнурках. И нас там «замели» дружинники с тем же обвинением в стиляжничестве! И то, что мы из Ленинграда, и даже на значке, через который продевались ужасно модные шнурки, был изображен корабль со шпилью Адмиралтейства, не успокоило дружинников. «А еще студенты, комсомольцы — и такие стиляги!» — клеймили нас курские блюстители идеологической чистоты.

Поступление в институт

Училище я окончил с красным дипломом, то есть с отличием, что давало право сразу, без трёхлетней отработки, поступать в институт. Шёл 1962 год. Я успешно, на пятерки, сдал все вступительные экзамены в I Ленинградский медицинский институт им. акад. И. П. Павлова (I ЛМИ), где в предвоенный год училась моя мама. Даже сочинение написал на пять. Темой я взял «Почему я выбираю профессию врача». Нужно сказать, что как раз незадолго до вступительных экзаменов у нас в училище была государственная практика, которую я проходил в медсанчасти завода «Большевик». Заведовал отделением известный в городе хирург Брейдо. Он иногда брал меня на операции в качестве не медсестры, а ассистента — стоять «на крючках» — и объяснял мне ход некоторых операций. И вот как-то я ассистировал Брейдо в операции аппендэктомии у очень симпатичной девушки, которую я же готовил к операции. Короче, когда

я пришел писать сочинение в медицинский институт, то первым человеком, с которым я столкнулся в вестибюле 7-й аудитории, была эта девушка, которая тут же сбежала от меня. Так я и не знаю, поступила ли она. Но у меня не было сомнений в выборе темы сочинения, которое я начал с описания этой истории. Наверное, проверявшие мои каракули преподаватели проявили снисхождение к возможным ошибкам — уж больно красивую историю я им описал.

Мои друзья по училищу не могли поступать в институт сразу после окончания медресы — нужно было отработать по распределению три года, и им пришлось отслужить в армии. Валерий поступил в медицинский институт, когда служил по-

следний год в Чите. Остальные уже после армии поступили на дефектологический факультет Педагогического института им. Герцена в Ленинграде. Андрей Егормин освоил массаж, работает и преподает в интернате для слабовидящих детей. Валерий Яценко стал хорошим хирургом-травматологом, заведовал отделением в больнице в Сестрорецке, задумывался о диссертации. Его пригласили в Институт травматологии им. Вредена, откуда его направили на два года поработать в госпитале в Йемене, где он заведовал травматологическим отделением. В компартии Йемена были кланы, которые воевали между собой. За три месяца до отъезда Валеру убили во время подводной охоты. Говорили, что это в «благодарность» за то, что он слишком удачно прооперировал кого-то из враждующего клана...

Экзамен по химии сдавали в длинном, как коридор, зале, где по одну сторону сидели преподаватели, по другую — поступающие. Среди экзаменаторов была очень хорошенькая молоденькая преподавательница. Один из абитуриентов не мог взора отвести от её замечательных коленок, заставляя её очень нервничать. Потом она его вызвала, отнеслась снисходительно, поставила тройку. Я сдавал экзамен тоже ей и получил пятерку. Вместе со мной сдавал экзамен какой-то абитуриент и довольно сильно «плавал». Профессор Максимум, принимавший экзамены, уже собирался поставить ему «не-

уд», когда парень, которому кто-то рассказал, что тот очень любит анекдоты, говорит: «Профессор, вы уже устали. Двойку вы мне успеете поставить. Хотите, я вам анекдот расскажу?» И рассказал несколько. Максимук, увидев на экзаменационном листе фотографию в военной форме, понял, что тот после армии, и спросил: «Тройки хватит?» Услышав утвердительный ответ, закончил: «Анекдоты ты рассказывать умеешь, а химию ты у меня выучишь». В свое время этот профессор был главным химиком Тихоокеанского флота. С ним была ещё такая история: когда после первого семестра мы сдавали химию, студент В. Богданов, отвечавший передо мной, очень «плавал» (вопрос был про окислы углерода). Профессор уже открыл зачётку, собираясь поставить «неуд», но, увидев на фотографии Володю в морской форме и выяснив, что тот служил на том же Тихоокеанском флоте, задал последний вопрос: «Ты хоть формулу газированной воды можешь написать?» Богданов растерянно уточнил: «Вам с сиропом или без?» Ответ был оценен на пятёрку...

Физика была для меня последним экзаменом. Когда я пришел на экзамен, то ещё не знал отметку за сочинение. Вытянул билет, в котором был вопрос — почему луч света в призме отклоняется к основанию. Помню, что изложил какие-то свои рассуждения, на что преподаватель (университетский) рассмеялся и сказал: «Вы поступили в институт».

В вестибюле института вывесили списки зачисленных на 1-й курс. Посмотрел списки на букву «А» — своей фамилии не нашел. Расстроился. Оказалось, что сначала в списках шли «стажники», потом школьники после 10-го класса, только потом те, кто после училища. Далее висели списки по группам. Стали знакомиться, записывать домашние телефоны (у кого были), и Олег Пайкин сказал: «А мой телефон не нужно записывать, его все и так запомнят: бутылка и пирожок (то есть В2-87-06, а именно: водка стоимостью 2 руб. 87 коп. и пирожок — 6 коп.).»

Группа была очень интересная, но довольно «невезучая». Сергей Павлов — 34 года. До этого окончил Горный техникум, работал мастером на шахте, заработал бронхиальную астму. Решил стать врачом, чтобы лечить у шахтёров астму и силикоз. На 6-м курсе умер во время приступа астмы. Второй по возрасту была Ада Ворчакова — 32 года. Мы звали ее «мама Ада» — добрая, полная, отработала уже лет десять акушеркой. Олег Пайкин до медицинского института окончил Военный институт физкультуры. В 1961 году его демобилизовали в звании капитана. Он единственный из группы жил в отдельной квартире на улице Скороходова в доме № 18 с родителями и сестрой. У его отца,